

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр Сухов

ОДИН В ПОЛЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С91

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 209

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Сухов, Александр Евгеньевич

С91   Лёд: Один в поле: роман / Александр Сухов. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2021. — 352 с. — (Современный фантастиче-
ский боевик).

ISBN 978-5-17-136125-9

Ты попытался отомстить за смерть самого близкого че-
ловека, но был втянут в непонятную игру с неизвестным ко-
личеством игроков, где каждый преследует собственные цели.
Любой твой шаг смертельно опасен для твоих врагов, но так-
же и для тебя. Тот, кто называет себя твоим другом, может
протянуть руку помощи, а может нанести коварный удар. Как
результат — ты один на далекой планете без малейшего шанса
выжить и вернуться на Землю. Но ты выживешь и победишь,
даже один в поле.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136125-9

© Александр Сухов, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

АКЦИЯ

Вот уже половину суток нахожусь на самом краю плоской крыши одной из московских высоток в положении лежа. Впрочем, я — профессиональный снайпер, и часами изображать неодушевленный предмет, да так, что даже назойливые комары и мухи перестают обращать на твою тушку внимание, мне не привыкать.

За свою более чем десятилетнюю карьеру военного в каких только местах я не устраивал засад на плохих парней. Ха-ха-ха! Те «плохие парни» считали себя очень даже хорошими, а меня — плохим, поскольку мы находились по разные стороны баррикад. Однако я до сих пор живой, а они... они — нет. Поскольку добро всегда побеждает всех и вся, значит, именно я белый и пушистый.

На этот раз окружающие условия более чем подходящие. Ни тебе зловонной болотной жижи под брюхом, ни тебе метрового сугроба над головой или проливного дождя и катящихся за шкирку потоков ледяной влаги. Лежу под покровом из специальной ткани, идеально маскирующей мой организм под пластиковое покрытие крыши здания. При мне ни одного гаджета, только «Kinetics 15М» калибра 12,7 мм. Не моя верная Киня, с которой я буквально прожил в обнимку около десятка

лет. Однако подогнанный вариант ничуть ей не уступает, возможно, где-то превосходит по ТТХ. Впрочем, мне из этой винтовки предстоит сделать всего лишь один точный выстрел и навсегда с ней расстаться.

Погода прекрасная. Легкая слоистая облачность, через которую пробивается бледный солнечный кругляш. Ветра нет вообще даже на высоте сотни метров. Температура немного за двадцать, разумеется с плюсом.

Площадь перед одним из популярнейших в столице гей-клубов «Blue Oyster» просматривается идеально. Именно сюда должен пожаловать ближе к вечеру мой клиент. О его появлении меня заранее оповестит служба заказчика. Так что я не особо напрягаюсь, вглядываясь в лица каждого посетителя этого «богоугодного» заведения. Время от времени я с интересом наблюдаю за тем, как к главному входу одно за другим подъезжают дорожные авто, стоимость которых не менее нескольких десятков тысяч солнечных кредитов — единой валюты, имеющей хождение во всех освоенных земным человечеством мирах. Некоторых клиентов «Голубой устрицы» несложно было опознать — все-таки новостные каналы Сети регулярно просматриваю и ху из кто мал-мало понимаю.

«Ух ты! И эти туда же...» — едва не выругался вслух.

Из недр шикарного Bentley Continental GT 5MG выполз самый настоящий поп и направился напрямик ко входу в вертеп. Борода лопатой, облачен в черную рясу до земли, голову украшает скуфья того же цвета, на выдающемся пузе возлежит здоровенный золотой крест, украшенный множеством брызжущих радужными искрами драгоценных камней.

«Интересный экземпляр, прям канонический поп. Батюшка-педераст — о сколько нам открытий чудных...»

Возможно, я слишком плохо думаю об этом слуге Господа. Не исключено, что тут кухня приличная или паству пришел агитировать свернуть с пути греха и в очередной раз напомнить о незавидной судьбе Содома и Гоморры. Не, все-таки пожрать он сюда наведалься, а не окормлять душеспасительными проповедями заблудших чад Господних, поскольку спустя пять минут не был вежливо выдворен охраной на улицу.

М-да, батюшка оказался все-таки из этих. Ведь для того, чтобы находиться внутри элитного заведения, необходимо быть его постоянным членом. Неужели РПЦ настолько толерантна, чтобы терпеть в своих рядах подобных личностей? Нет, скорее, это просто клоун, решивший покуражиться над православной верой, облачившись в одежды священнослужителя. Представляю, какое веселье среди посетителей вызвало явление этого «батюшки». Вот же сука! При других обстоятельствах шлепнул бы ничтоже сумняшеся этого кадра аки тварь смердящую, дабы неповадно было всем прочим желающим поглумиться над тем, что не подлежит глумлению. Жаль, не могу себе этого позволить.

Я хоть не могу причислить себя к особо верующим, но как человек, неоднократно рискующий собственной жизнью, нет-нет да обращаюсь к Высшим Небесным инстанциям с просьбой о защите и за поддержкой. С самых ранних лет Дед учил меня, что на войне атеистов не бывает.

Вспомнил Деда, взгрустнулось. Это именно благодаря ему я сейчас нахожусь на крыше в ожидании того, по чьему приказу был убит самый родной и близкий для меня человек.

Когда мне было пять лет, мои родители погибли в авиакатастрофе. Папа и мама возвращались домой

из Парижа с какого-то международного симпозиума. Несмотря на молодой возраст, они были признанными авторитетами в области компьютерных технологий и робототехники. Их часто приглашали на подобные мероприятия. К великому несчастью нашей семьи, именно этот борт был выбран «братьями Судного дня» в качестве цели для проведения террористического акта. В результате десять килограммов беланита — самой мощной на данный момент химической взрывчатки — превратили аэробус в облако раскаленного газа над альпийским хребтом в нескольких десятках километров от Женевского озера.

Виновных в преступлении в конечном итоге вычислили и отправили пожизненно на виртуальную каторгу, добывать «минеральные ресурсы». Лавочку под названием «братья Судного дня» прикрыли. На мой личный счет была начислена приличная сумма в твердой валюте. Но всё это для пятилетнего пацана было слабым утешением — любимых родителей не вернуть.

Вскоре после гибели родителей собрался многочисленный совет из ближней и дальней родни, на котором было принято решение поместить меня в закрытое заведение для детей-сирот. Ни одна сволочь даже не подумала забрать малолетнего ребенка в свою семью, а вот наложить свои волосатые лапы на оставшиеся от родителей денежные средства, а также элитную столичную недвижимость не забыли, назначив себя опекунами с широчайшими полномочиями. Значительно позже я понял, что в тот момент находился в шаге от того, чтобы к своему совершеннолетию остаться без единого гроша и без крыши над головой. Но тогда я всего этого не осознавал. Что там говорили, почему ругались эти расфуфыренные дяди и тети, мне было не интересно.

В какой-то момент утомительный срач между родственниками закончился. Суетливый мужчина в сером костюме и сам весь из себя такой серый и неприметный разложил на столе бумаги на подпись договаривающимися сторонами и клятвенно лопотал, что положительное решение суда по поводу опекуинства над «несчастным сироткой» будет принято в самые кратчайшие сроки.

И тут появился Дед. Немолодой, седая борода лопатой, волосы на голове также седые, до плеч, перевязаны витой налобной лентой, острый взгляд глубоко посаженных синих, как весеннее небо, глаз из-под кустистых бровей, сухощавый, росту под два метра, широкоплечий, вполне себе крепкий мужчина. Хоть и был одет в обычный темный костюм и рубашку с галстуком, мне он тогда показался настоящим былинным волшебником — эдаким сказочным волхвом из одной компьютерной игры. Он порвал на глазах изумленной родни сомнительные бумаги. Адвоката выдворил из квартиры крепкими пинками под зад. Дам обозвал блядскими отрывками и приказал им сидеть и не рыпаться. После чего одарил чувствительными зуботычинами их мужей. При этом награждал всякими забавными для уха малолетнего мальчишки эпитетами: наглое ворье, гондоны штопаные, ссученные падлы, долбодятлы убогие, ушлепки свинорылые и еще более крепкими выражениями, произносить которые Дед запретил мне категорически. Удивительно, но никто из присутствующих даже не попытался оказать этому пожилому человеку никакого сопротивления, хотя многие из присутствовавших мужчин превосходили Деда габаритами и при желании смогли бы его отмудохать. Лишь значительно позже я понял, что во взаимоотношениях людей чаще всего решающую роль играет не вес кулаков и не сила

мышц, а нечто иное, определяемое термином «авторитет». Именно этого самого авторитета Деду вполне хватило, чтобы хорошенько отметить шоблу, собравшуюся ради наглого дележа причитающегося мне наследства.

Восстановив таким образом поправленные права ребенка, Дед объявил себя единственным моим опекуном и сказал, что забирает в загадочное место, именуемое островом Ольхон. Само слово «Ольхон» меня тогда буквально сразило какой-то непередаваемой сказочностью. Еще более поразило и очаровало, когда мы с Дедом до него наконец добрались.

За какие-то пару дней моему родственнику удалось получить законодательное подтверждение своих прав на мое воспитание, и вскоре мы поднялись на борт самолета, следующего рейсом Москва — Иркутск. Так началось мое счастливое детство под бдительным приглядом сурового Деда.

Справедливости ради, стоит отметить, что Дед никаким дедом мне не являлся. На самом деле он был дедом моего деда по отцовской линии, иными словами — трижды прадедом. Но еще более удивительным фактом было то, что к моменту нашей встречи ему исполнилось полторы сотни лет.

Да-да, я ничего не путаю. Дед, или Иван Ильич Ледогоров, родился в середине позапрошлого — двадцатого — столетия в загадочной стране СССР, о которой он всегда вспоминал с определенной ностальгией. Какое-то время он был профессиональным военным. Ему довелось принять участие в ряде вооруженных конфликтов. Об этом периоде своей жизни Дед особо не распространялся. Лишь сказал, что каждый настоящий мужчина должен проверить себя на прочность, и вкрат-

це упомянул о своей боевой молодости. И вообще он очень мало о себе рассказывал, практически ничего. На мои назойливые расспросы касательно возраста он лишь улыбался и отвечал загадочно: «...удачная ошибка одного безумного геронтолога».

Ледогоров — также и моя фамилия, досталась мне через мужскую ветвь нашего рода. Кстати, на данный момент я единственный прямой потомок этой славной династии. Наверное, именно по этой причине Дед посчитал необходимым заняться моим воспитанием. Хотя с моей стороны это всего лишь догадки, ничем не обоснованные.

Остров Ольхон оказался воистину волшебным местом. К началу двадцать второго века он сильно обезлюдел, хоть густонаселенным никогда не был. Здесь проживало где-то около пяти тысяч человек — в основном коренные буряты. Прочее население отправилось на покорение иных планет или в более приспособленные для жизни человека места на Земле.

У Деда на самом берегу Байкала вдали от всех прочих поселений острова был огромный домина, сложенный из стволов сибирской лиственницы толщиной в два обхвата. Я как увидел, обомлел. Дом показался мне сказочным дворцом — обителью светлого мага. Светлым магом, разумеется, был старик, вырвавший меня из цепких лап злых дядь и тетя, желавших сдать ребенка в плохое место, именуемое «приют».

Автономный дом под управлением искина со всеми современными удобствами. Проблема обеспечения электричеством решалась использованием солнечных батарей и наличием ветрогенератора, доставка всего необходимого осуществлялась с Большой земли почтовыми дронами.

С первых дней совместного проживания на байкальском острове Дед занялся моим воспитанием. Ранний подъем, утренняя зарядка, пробежка, завтрак, обучение грамоте, счету, иным наукам, обязательное чтение «хорошей литературы», просмотр «хорошего кино», прослушивание «хорошей музыки», в промежутках занятия спортом. Летом обязательное купание в ледяной воде озера. Зимой лыжи и коньки. Каждую субботу баня с березовыми, дубовыми иногда пихтовыми и можжевельновыми вениками. Пища простая, обильная с большим количеством свежих овощей и фруктов, но без всяких там лангетов, птифуров, жульенов, пряников и прочих «кулинарных излишеств». Только на мой день рождения и на Новый год на столе появлялся торт со свечами. После бани Дед позволял себе «дерябнуть пивка», а мне предлагался слегка подслащенный медом квас. И квас, и пиво были собственного домашнего приготовления.

А еще у моего родича был под домом огромный подвал, обустроенный под спортивный зал. Часть его занимал оборудованный всем необходимым тир. И пострелять было из чего. В прочных стальных шкафах под замком хранились многие десятки образцов стрелкового оружия — от традиционных пистолетов, винтовок и автоматов, стреляющих обычными пулями с пороховым зарядом, до самых современных боевых систем с электромагнитными разгонными блоками.

До определенного момента о существовании стрельбища я даже и не подозревал, поскольку мой опекун если и постреливал (а он наверняка это делал регулярно), прекрасная звукоизоляция скрывала от меня данный факт. Однако на мой десятилетний юбилей Дед сделал имениннику шикарный подарок — самое насто-

ящее ружье, которое он называл красивым нерусским словом «монтекристо». При этом стрелять по птичкам, белкам, ежам и прочей живности запретил категорически — только по специальным мишеням, неподвижным, движущимся и летающим.

До установки нейросети классическое школьное обучение для меня проходило по удаленной методике в специальной вирткапсуле в онлайн-режиме. Также Дед достал где-то несколько гипнокурсов для более глубокого обучения приемам единоборств, стрельбы из различных видов оружия.

Несколько раз к нам наведывались разного рода комиссии с целью проверки условий моего проживания. По всей видимости, «заботливые» родственнички никак не могли успокоиться и лелеяли надежду обобрать сироту. Как правило, проверки были неожиданными. Чиновники пихали любопытные носы во все дыры. Дед какое-то время терпел, но на третий за полгода их визит достал телефон и сделал кому-то видеозвонок. Затем передал трубку дородной даме из органов опеки и попечительства. Забавно было наблюдать, как женщина во время общения с неведомым мне абонентом то краснела, то бледнела, а в самом конце едва не грохнулась в обморок. После этого случая надзорные органы более нас не беспокоили. После убытия уважаемой комиссии Дед имел долгий разговор с кем-то из родни. Хоть он и не предназначался для детских ушей, мне удалось подслушать. Некоторые словесные обороты произвели на меня неизгладимое впечатление.

Жизнь на острове вовсе не означает полного отшельничества. Социопатом я не стал. Часто мы с Дедом посещали его знакомых в здешних поселках Хужир, Ялга, Харанцы. Там я сошелся с ровесниками. В основ-

ном это были буряты, чьи предки испокон веку проживали на острове. Мне удалось вполне вписаться в их сообщество. Как водится, сначала разбили друг другу носы, потом скорешились.

Для повышения коммуникабельности к одиннадцати годам мне был подарен квадроцикл на электротяге. Обслуживать и ремонтировать транспортное средство входило в непосредственные мои обязанности. Зато в моем и моих друзей распоряжении оказался весь немалый остров — у других ребят также были такие же квадроциклы. Рыбалка, ночевки в лесу у костра, купание в ледяной воде, стрельба по мишеням и прочие доступные радости. Повзрослев, наперегонки ухаживали за девчонками.

Примерно раз в квартал мы с опекуном отправлялись в Иркутск. У Деда в областном центре были какие-то дела. А я приобщался к условиям скученного проживания людей. Реже он улетал в Москву или даже за границу, но меня с собой не брал. Говорил: «Успеешь еще наездиться и насмотреться».

Чем, собственно, он занимался, мне не сообщалось, да я и сам не особо интересовался. Ну сидит человек в своем кабинете, меня не заставляет двор подметать, картошку чистить на кухне или еще какую «полезную работу работать», и хорошо — можно своими пацанскими делами заняться. Например, рогатку смастерить, вершу сплести из ивовых прутьев или просто поваляться с книжкой под солнцем на песочке у берега озера.

В четырнадцать Дед взял меня на самую настоящую охоту. Под Иркутском было организовано специальное охотхозяйство, где, оплатив лицензию, можно было «добыть» зверя. Именно «добыть», а не «застрелить» или «убить». Дед к таким тонкостям относился весь-

ма и весьма серьезно. Там я самостоятельно выследил и подстрелил своего первого дикого зверя — это был обычный заяц. Как результат, навсегда «заболел» охотой. Бил оленя, лося, волка, даже медведя. А еще у меня обнаружился своего рода дар. Я интуитивно чувствовал, куда именно попадет пуля, и ни разу не ошибся. Странно, но раньше во время стрельбы по неживым мишеням такого не происходило, а тут вдруг ни с того ни с сего проявилось. Кстати говоря, после этого я стал лучше стрелять и по неодушевленным объектам.

Дед не сразу подметил эту мою особенность, а когда понял, отвез меня к одному шаману, проживавшему на северной оконечности острова, неподалеку от поселка Узуры, по сути, метеостанции. Вообще-то я ожидал увидеть что-то наподобие индейского вигвама, но шаман проживал в практически таком же бревенчатом доме, как мы с Дедом. Во дворе современный автомобиль, ветрогенератор и крыша из солнечных панелей, стилизованных под черепицу. Единственным необычным для меня объектом было дерево, украшенное разноцветными лентами. Нас встретил шаман Тудэб Батуев, невысокий полный человек типичной азиатской наружности. Облачен в синий халат, подпоясанный широким красным поясом, украшенным разноцветными веревочками и кистями, на голове странной формы шапка-колпак, обут в мягкие кожаные сапожки.

Дед сделал подношение «святому человеку» в виде ящичка водки и некоторой суммы наличности и попросил почтенного Тудэба «посмотреть парнишку». Меня усадили прямо на землю перед деревом с лентами. Шаман разжег костер, накидал туда каких-то травок, от дыма которых у меня сначала защипало в носу, затем стало легко и весело, будто хватил кружку дедова